

ЗАГЛЯНУТЬ В «ВОРОНКУ»...

Д.С. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ*

Публикуемый ниже материал – клиническая супервизия, имевшая место на одной из конференций Российского психоаналитического общества. В основе фабулы представленного автором случая – история молодого человека, воспитанного матерью и выросшего, как бывает в разводящих ситуациях, в негативном отстранении от отца и всего «отцовского». В центре анализа – темы сыновней сепарации, юношеского взросления и позднего, почти невероятного поворота к отцу. Раскрывая сложную архитектуру случая, автор попутно делится своими профессиональными установками, комментирует методы работы, рефлексировать по поводу собственного «процесса» в ходе анализа, демонстрируя ту глубину супервизии, на которую она иногда способна погружаться. Возможно, читателю удастся отследить момент, когда супервизия неувовимо перерастает в мастер-класс. С небольшими сокращениями представлены вопросы, фантазии, ассоциации, которые презентация случая вызвала у присутствующих, а также ход его обсуждения.

Д.Рождественский: Уважаемые коллеги! Я представляю случай, который может показаться, на первый взгляд, простым и понятным. Между тем, в нем есть немало сложностей и вопросов. С одной стороны, его можно считать законченным, с другой, в этой законченности тоже есть знак вопроса. Почему – станет ясно в конце моего доклада.

Началась эта история примерно лет пять назад. Ко мне обратился молодой человек, по рекомендации своего знакомого, который был студентом Восточно-Европейского Института психоанализа и ранее проходил у меня тренинговый анализ. Назовем моего пациента условно: Па-

* **Рождественский Дмитрий Сергеевич** – психотерапевт клинической ориентации, чл. Европейской Ассоциации Психотерапии, а также Национальной Федерации Психоанализа, зав. кафедрой истории психоанализа Восточно-Европейского Института психоанализа, кандидат психологических наук.

вел. Молодому человеку было 19 лет. Когда он пришел, то произвел очень приятное впечатление. Это был интеллигентной внешности с интеллигентными манерами юноша, очень аккуратный, правильно строящий фразы. Свою историю он начал с рассказа об одном странном событии, которое произошло за месяц до его обращения ко мне.

Павел учился в одном из вузов Петербурга. У его однокурсника был день рождения. Чтобы отметить его, молодые люди поехали на природу – на лесное озеро. Там стали жарить шашлыки. Немножко выпили, совсем немножко, но алкоголь вдруг оказал на Павла весьма необычное воздействие. Он почувствовал, что стремительно теряет над собой контроль. В следующий момент эта утрата контроля вызвала в нем такое чувство, словно он перестает существовать. Павел сказал, что ощутил панический страх, что сейчас просто растворится, исчезнет. Переживание было настолько сильным, что он не захотел продолжать мероприятие и даже попросил одного из приятелей проводить его до города: боялся возвращаться один.

Это была короткая, мгновенно накатившая и буквально через пять минут закончившаяся паническая атака, но она вызвала очень серьезные последствия. Данное состояние больше не повторялось, однако появился мощный страх того, что оно может вернуться. Как выразился мой пациент, «страх страха».

По поводу того состояния, в котором он пребывал последний месяц, Павел сказал такую фразу: «Моя основа как будто бы на время исчезла, а потом вернулась на место, но встала криво, неправильно». И в рамках первой же встречи он рассказал, что нечто подобное с ним уже происходило, – за три года до описываемого события и тоже под влиянием легкой товарищеской выпивки. Тогда, он и его одноклассники отмечали окончание средней школы. Но в тот раз это состояние было гораздо более легким и быстро улетучилось из памяти. Едва поставив точку в своем рассказе, Павел тут же вспомнил, что после того первого раза, связанного с выпускным вечером, ему приснились два сна. Оба были очень тревожными и оставили неприятный осадок. С вашего позволения, я их зачитаю.

Сон первый:

Я не помню никаких деталей. Это был сон-ощущение, почти без образов. Я чувствовал себя частью какой-то цепочки, одним из ее звеньев. И она тянулась бесконечно: и до меня, и после меня. И эта бесконечность меня почему-то пугала. Этот сон мне показался чрезвычайно важным. Я вспоминал его много раз, но так и не сумел понять.

Сон второй:

Я снова оказываюсь частицей чего-то, чего я не вижу, а только ощущаю. И я вижу две точки или две частицы, которые плывут навстречу

друг другу и соединяются. Я нахожусь при этом в состоянии странной заторможенности, не могу думать, не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Вот такова преамбула. Таковы содержание первой встречи и запроса пациента. Остается добавить, что к тому моменту, когда Павел обратился ко мне, он, как я уже сказал, был студентом, жил в одном из крупных пригородов Санкт-Петербурга, в однокомнатной квартире вместе с матерью и старшей сестрой. Отца не было.

Несколько слов – о предыстории его тогдашней жизни. Родители Павла развелись, когда мальчику было между четырьмя и пятью годами. Причина развода – банальна. Во-первых, у отца был импульсивный, вспыльчивый и непостоянный характер, и, во-вторых, он выпивал. Это служило поводом для постоянных конфликтов между супругами. Когда отец ушел из семьи, у него были проблемы с жильем, и на протяжении двух лет он еще часто возвращался домой ночевать. Причем, возвращался, как правило, в нетрезвом состоянии. Эти его приходы для мальчика каждый раз были связаны с вспышками страха. У него уже создалась установка, что каждый раз приход отца – это страшный конфликт между отцом и матерью. И хотя лично его эти конфликты не затрагивали, он все равно испытывал при этом парализующие ощущения. Ему хотелось спрятаться, сжаться – только бы все это его миновало.

Вот как рассказывал об этом он сам: «Отец звонил в дверь. И я уже знал, что это отец. И сжимался в кроватке. Мама не открывала, а он звонил опять. И я после каждого звонка буквально молился: «Ну, пусть это будет последний звонок! Пусть ему, наконец, надоест, и он уйдет!». Это были совершенно ужасные минуты». Потом отец практически исчез из его жизни. Они встречались еще несколько раз случайно, так как все жили в маленьком городке, и отец обитал неподалеку от своей бывшей семьи.

Мать – в представлении Павла – относилась к отцу однозначно негативно. Она описывала его как человека, который в принципе не достоин быть главой семьи, подчеркивая его исключительно негативные качества. После того, как родители развелись, и отец ушел, у мальчика установились с матерью своеобразные отношения, главная особенность которых выражалась в том, что он стал воспринимать ее как абсолютный гарант своего существования. «Не будет матери – не будет меня. Не почему-либо, а просто не станет в одночасье». Его ранние годы были наполнены постоянным страхом за мать. Когда она была на работе, и Павел ее ждал, он постоянно прислушивался к шагам на лестнице: материнские это шаги? И постоянно боялся, что с ней что-то случится. Свои отношения с матерью этого периода он характеризовал как ис-

ключительно теплые, доверительные. По его словам, все, что присутствовало в их отношениях, было одной безраздельной любовью. И так продолжалось лет до пятнадцати.

В период пубертата эта чрезмерная близость с матерью начала мальчика раздражать. Он стал все больше дистанцироваться от нее, закрываться, у него появились свои секреты. И вот какая интересная деталь (может быть, интересная, а может быть, вполне естественная – для тех, кто уже начинает понимать, что должно произойти): обрисованный выше приступ панической атаки резко бросает ребенка обратно в объятие матери. Он приезжает домой и рассказывает ей о том, что с ним случилось. Он надеется на сочувствие, на понимание. Но мама замечает всего лишь: «У тебя был нервный срыв. Тебе нужно просто побольше спать».

Еще несколько немаловажных, на мой взгляд, аспектов.

Когда мальчику исполнилось шесть лет, мать повела его в спортивный клуб, чтобы он мог выбрать там секцию по своему желанию. Он выбрал баскетбол (на самом деле – другой вид спорта, но мы будем говорить, что это баскетбол). И с шести до шестнадцати лет баскетбол становится смыслом его существования. Он тренируется в секции, попадает в команду юниоров. Ему сулят большое спортивное будущее. Он лидер команды, тренер занимается с ним персонально. Про тренера Павел говорил, что это человек, который заменил ему отца. Мать была активно включена в эту часть его жизни. Она посещает все его соревнования, переживает за него. В результате, опасаясь огорчить мать, он сам начинает бояться проиграть и заставляет себя усиленно тренироваться. Но в шестнадцать лет Павел все-таки из спорта уходит. И хотя это решение, по его описанию, было вынужденным (сначала в клубе сменилось руководство, потом произошло что-то еще), он все-таки признавал, что с уходом с его плеч как будто свалился неимоверный груз. Жизнь текла в жестком спортивном режиме, изо дня в день, без отдыха. К тому же, давила конкуренция, которая превращала ее в настоящую борьбу за выживание. А для матери его уход из спорта явился, в каком-то смысле, крушением надежд, возлагаемых ею на сына. И вот с этого момента, примерно лет в шестнадцать, у них начались первые серьезные конфронтации.

Кроме баскетбола, была еще одна важная часть его жизни. Павел сочинял романы в жанре «Фэнтези». Он населял их всевозможными магами, гоблинами, эльфами, вводил себя самого в качестве главного действующего лица, попадая в самые невероятные ситуации и выпутываясь из них. Он писал романы, но никому никогда их не показывал, стеснялся, полагая, что другие просто снисходительно посмеются над его «писаниной», – он так это воспринимал, – как над «детским увлечением». Но на

самом деле мечтал стать писателем. А мать хотела для него профессии более приземленной, более денежной и «реальной».

Романы были очень трудной темой для разговора, потому что когда о них заходила речь, Павел моментально закрывался. А я ловил себя на том, что у меня появляется желание узнать про созданные им миры еще больше. Но он смущался, сразу передо мной «захлопывался», и говорить об этом не желал.

Кроме фантазийных романов, была и еще одна очень трудная для обсуждения тема – его интимной сексуальной жизни. В девятнадцать лет он имел сексуальный контакт с девушкой, всего один. Едва заикнувшись об этом, он моментально закрылся, сказав, что мало об этом помнит, и тут же переключился на другую тему. Характеризуя свою сексуальную жизнь, он утверждает, что это вообще для него не самое главное, что на свете есть много других интересных вещей.

И – последнее, касательно предыстории. Я уже говорил, что Павел несколько раз встречался с отцом на улице. Когда я спросил его, как проходили эти встречи, он сказал, что они стояли друг против друга, и оба испытывали какое-то тягостное чувство. Напряжение просто висело в воздухе: «Ситуация была такая, что он не знает, о чем меня спросить, а я не знаю, о чем ему сказать». И расставались с облегчением.

Вот так выглядит рассказ о его жизни.

Итак, мы начали работать. Мы решили встречаться с ним два раза в неделю, работать в течение года, после чего должны были вернуться к обсуждению исходной проблемы, подвести итоги, что достигнуто, чего достичь не удалось, а также решить, продолжить ли терапию или стоит остановиться.

Динамику происходящего на протяжении этого первого года работы я бы описал следующим образом, если вычленять наиболее существенное.

Первое, с чем я столкнулся, это его гипертрофированно *правильное поведение*. Оно выражалось в том, что он не позволял себе ни пропускать сессии, ни опаздывать, ни забывать их оплачивать. Сам он не зарабатывал в тот момент, и оплачивались они деньгами матери. Эта сверхправильность сочеталась с буквально повисающей в воздухе *напряженностью и зажатостью*, что я постоянно ощущал.

У меня принцип такой: если я вижу, что в работе с данным пациентом кушетка может быть полезна, и что она не вызовет патогенного регресса или чего-то в этом роде, то я предлагаю пациенту выбор. Я объясняю в двух словах, в чем состоят преимущества кушетки, и дальше предоставляю ему самому решить, захочет ли он этими преимуществами воспользоваться и, если да, то на какой стадии. В данном случае я поступил так

же. И, приближаясь, примерно, к двадцатой встрече, он сказал, что хотел бы попробовать поработать с кушеткой, в надежде, что, возможно, будет чувствовать себя на кушетке менее скованно. В принципе, так оно и получилось.

Я сразу хотел показать этим, что мы *обошли сопротивление* вместо того, чтобы его проанализировать. Моя практика показывает, что в некоторых случаях такой тактический ход бывает уместен. Недостатки работы, которые проистекают из того, что сопротивление остается непроанализированным, с избытком компенсируются тем материалом, который пациент выдает взамен.

Позволю себе маленькое отступление. Признаюсь, что в той технике работы, которую я выработал за двенадцать лет практики, есть вещи, не вполне укладывающиеся в традиционные рамки. В частности, по отношению к некоторым сопротивлениям я использую тактику поведения, которую условно называю *тактикой спецслужб*. Как известно, контрразведка большинства государств прекрасно осведомлена о том, кто на их территории является резидентом зарубежной разведки, но не предпринимает против этого человека никаких практических мер. Дело в том, что, если на место «рассекреченного» резидента пришлют нового, его еще придется «вычислять». А старый, по крайней мере, – уже известное зло. Если сопротивление пациента проявляется в том, что на каждую сессию он приходит с опозданием на пять или десять минут, то, может быть, и будет польза в том, если оставшиеся тридцать пять мы будем говорить об опоздании. Но, все же, иногда оказывается полезнее – вынести это сопротивление «за скобки» и поработать с тем материалом, который пациент готов дать в оставшееся время. Но это субъективно.

Я начал говорить о такой форме сверхправильного поведения, которая сочетается с напряженностью и зажатостью. Павел очень правильно выстраивает фразы, он вежлив, точен, интеллигентен. Мыслительная скованность превращается в телесную. И на протяжении первых десяти-двадцати сессий он неизменно говорил об облегчении, которое испытывает, когда сессия приходит к завершению: «Я как будто сдавал сейчас Вам трудный экзамен». И вот в результате этой атмосферы скованности и зажатости в наших диалогах все чаще стала возникать тема *свободы*. Тема свободы, которой нет. И эта несвобода, как я уже говорил, проявляется в том, что он избегает разговоров на тему о своей интимной жизни, избегает разговоров на темы фантазий. Все это – сфера свободы, куда мне доступ закрыт.

И постепенно у меня возникает ощущение, что я делаю то же, что и его мать. Мне начинает хотеться, чтобы у него не было от меня секретов.

И я испытываю сильное желание, чтобы он рассказывал мне больше о своих фантазиях, чтобы он рассказывал мне больше о своей жизни. А он, как маленький ребенок, смущается и закрывает передо мной двери в детскую комнату. Я ловлю себя на том, что я, также как и его мать, хочу лишить его права на автономию, на ограничение каких-то секретных областей.

И вот тут начинает всплывать третья запретная тема, которая тоже оказывается очень трудной для проговаривания. Это тема того, что происходит «здесь и сейчас». Тема *наших с ним отношений*. Когда я задаю об этом вопрос, я сразу чувствую отстранение. Он начинает говорить: «Ну, какие тут могут быть отношения?». В этом смысле Павел очень похож на психосоматического больного: «Что Вы ко мне чувствуете?» – «А что я могу к Вам чувствовать? Вы доктор, Вы меня лечите – вот и все». Между нами установился примерно такой же стереотип коммуникации.

Так проходит несколько месяцев и дальше наблюдается следующее. У моего пациента резко усиливается сновидческая активность. На каждую сессию Павел начинает приносить по одному-два сна. Сны очень разнообразные, и, все же, в их потоке я выделил бы две основные темы.

Первая тема – сны, которые, так или иначе, обозначают его конфронтацию с лицом мужского пола значительно старше него. Это сновидения о том, как он спорит со своим тренером (по какому вопросу – не важно), сновидения, в которых он спорит со мной (по вопросам литературы). Эти сны показывают обратное тому, что происходит в реальности, потому что в реальности он занимает совершенно адекватную подчиненную позицию. Конфронтация допускается только в снах.

Вторую группу составляют сны о всякого рода катаклизмах. О конце света, об извержении вулкана, о начале бомбежки и т.д. и т.п. И про эти сны он говорит такую интересную вещь: «Я чувствую, что это как-то связано с темой свободы, которую мы затрагиваем, но как именно, совершенно не пойму». В этой череде снов запомнился один, где он приходит на очередную сессию, заходит в мой кабинет, но вместо меня встречает там какую-то женщину. Он спрашивает, где Дмитрий Сергеевич, а женщина ему отвечает: «Его больше нет, и теперь я Ваш терапевт». Пациент говорит: «Я чувствую негодование, раздражение, но язык меня не слушается, и я не могу ничего возразить». Понятно, что в связи с этим сном сразу возникает мысль об уходе отца из семьи, и про мать, которая как бы говорит: «Теперь я для тебя все. Я – гарант твоего существования». Я попытался подвести его к данной интерпретации, но это оказалось преждевременным. Интерпретацию он отверг и сказал, что уход отца из семьи

связан с совершенно другими чувствами, потому что для всех явился, прежде всего, облегчением.

И вот я ловлю себя на интересном чувстве. Я начинаю ощущать, что между моими ощущениями и тем, что я вижу реально, постоянно существует большой разрыв. К чему он сводится? Месяц за месяцем я не чувствую, что Павел становится более свободным. Мы все прекрасно знаем, что пациента нельзя к чему-то вести. Мы просто создаем ему атмосферу, в которой он сам выбирает свой путь. Но, с другой стороны, есть такие вещи, как *собственный трансфер*. Будем разделять контртрансфер и собственный трансфер. Существуют собственные трансферы, которые необходимо в себе отслеживать. Тот перенос, который я в себе нахожу, сводится к тому, что я пытаюсь подтолкнуть пациента к какой-то большей свободе. И вот, с одной стороны, я постоянно чувствую, что он не становится более свободным. А, с другой, вижу реальные факты, которые говорят об обратном: он позволяет себе злиться на меня; с какого-то момента начинает опаздывать на сессии, порой даже пропускать их; на сессиях может подолгу молчать, чего раньше никогда себе не разрешал. Тогда откуда же это чувство, что свободы не прибавляется? И тут я начинаю понимать, что именно я делаю в своем восприятии. Я как будто постоянно поднимаю ему планку. Это похоже на ослика и морковку, которая, маня его, висит впереди на палочке. Павел достигает большей степени свободы, а я ровно настолько же поднимаю планку. Это открытие я перевожу для себя в следующую фразу: «Он должен все время быть растущим, но он не должен вырасти».

Сейчас я хотел бы поделиться некоторыми теоретическими соображениями и потом перейти к зачитыванию протокола одной из сессии.

У меня сложилось следующее ощущение. Мать постоянно препятствовала автономии сына, связывая его своей любовью по рукам и ногам. Когда она так или иначе внушала ему, что он без нее не выживет, это, по сути, было проекцией ее собственной экзистенциальной тревоги, означая: «Я не выживу без тебя». И вот эти симбиотические отношения рожают два мира. Два мира, проблема которых состоит в том, что они не могут соприкоснуться или пересечься, ибо изолированы друг от друга.

Первый – это мир безопасной близости и обыденности. Мир, где есть однокомнатная квартира, прозаичная профессия в будущем. Второй – мир свободы, мир фантазии и реализации. И эти два параллельных мира были, конечно, всегда, хотя Павел и утверждает, что в том, как он воспринимал мать в детстве, якобы, не было никакой амбивалентности. В пубертате, по понятным причинам, происходит конфронтация этих двух миров, и паническая атака оказывается реакцией на эту конфронтацию. Паничес-

кая атака как средство уйти от невыносимого конфликта и вернуться в состояние безопасной близости с матерью. И в рамках симбиотической версии я предлагаю ему, может быть, даже банальные интерпретации его сновидений о цепочках и частицах как репрезентации представлений о преемственности поколений, о слиянии половых клеток. Пациента пугает мысль о наследовании мужских начал от отца и более дальних предков и возможность их дальнейшей преемственности уже его собственными детьми, потому что он всегда был только сыном своей матери, составляя с ней одно целое. Он – звено *вне* цепи.

Аккуратность и правильность Павла в отношениях со мной – это то, что гарантирует ему безопасность коммуникации, потому что его сны полны опасными и преследующими объектами. Еще один частый мотив его снов – он убегает. Он совершил какой-то проступок и за ним кто-то гонится. Стихийность, свобода – таят в себе опасность, потому что трактуются как отцовское наследие. Из боязни перед стихийностью проистекает его высокая склонность к интеллектуализации. Вспоминая наши с ним беседы на сессиях, я понимаю, что не удержался и, того не замечая, «встроился» в интеллектуальную игру, которую он мне навязал. Усиление сновидческой активности, в данном случае, выступает как наиболее безопасная форма регрессии, позволяющая занять в его отношениях со мной конфронтующую позицию.

К тому моменту, которому принадлежит сессия, представленная ниже, я охарактеризовал бы наши отношения следующим образом. Если говорить в терминах Рене Шпитца, то в отношениях со мной пациент продвинулся до стадии либидинозного объекта, на что, как мне кажется, косвенно указывает сон про женщину-терапевта. Но его восприятие меня в тот момент очень расщеплено. Я забыл упомянуть об одной его фантазии, которой он поделился. Это была фантазия о том, что он отправляется в морское путешествие и берет с собой самых близких людей, в их числе и меня. В то же время, как я уже говорил, разговоры про то, что происходит между нами, для него были очень неприятны. Иначе говоря, эмоциональная коммуникация со мной отрицается, хотя в фантазиях она присутствует.

Теперь, если позволите, я прочитаю вам сессию. Это сессия номер восемьдесят. Она происходит как раз тогда, когда прошел год с момента начала нашей работы.

Сессия № 80

Павел ложится на кушетку, лежит неподвижно, молчит около трех минут.

Павел: Вчера я думал, что значите для меня Вы, мои приходы сюда. Вот интересно, это стало уже не просто привычным, это стало частью моей жизни вообще. Хотя ситуация казалась какой-то неестественной. Странно приходить, устраиваться на кушетке, говорить что-то. Когда я пришел сюда, я вообще совсем по-другому все это представлял. Я думал, что будет что-то типа гипноза, разъяснений каких-то, указаний... (*смеется*). Я вообще, оглядываясь назад в то время, себя не узнаю. Мне сейчас кажется, я выглядел как какой-то испуганный маленький мальчик, вообще ничего не понимающий, что происходит. (*После паузы*). Я на самом деле был очень испуган тогда, шел сюда со страхом. Я думаю, что если бы сегодня пришел впервые, то вообще иначе бы рассказывал обо всем, что со мной случилось.

Я: Давайте представим, что Вы сегодня пришли в первый раз.

Павел: Я ведь сейчас по-другому ко всему этому отношусь. Мне тогда казалось, что со мной произошло что-то невероятное, почти мистическое. Тогда у меня вызывало это темный ужас. Сейчас? – Сейчас я думаю, что с человеком вообще все может произойти. Сейчас я вообще, может быть, иначе сформулировал бы, чего хочу. Я, может быть, сказал бы, что хочу быть более независимым, более взрослым, что ли. Многие мои сверстники уже ведут свою жизнь, имеют семьи, зарабатывают... А я до сих пор живу с мамой, да еще и на ее зарплату. И стоит от нее чуть отдалиться, начинают страхи одолевать. (*Молчание.*)

Я: Вы говорите, по сути, о том, что уже стали более взрослым, и что Ваши страхи уже не так привязывают вас к Вашей матери и ко мне?

Павел: Иногда я так и чувствую, но потом будто одергиваю сам себя. Думаю: «Вот сейчас зайду слишком далеко, тут-то страх и навалится». Получается, что ощутить себя здоровым или почти здоровым – это страшнее, чем ощутить себя всего боящимся.

Я: Да, свобода может пугать, даже свобода здесь, в кабинете.

Павел: Я постоянно думаю теперь: а что такое быть свободным здесь, в Вашем присутствии? Помните, сколько мы об этом говорили? Вы еще тогда заметили, что я лежу какой-то одеревенелый. А я сказал, либо так, либо я буду дрыгать ногами, размахивать руками и вообще вести себя совершенно нелепо. (*Смеется.*) Я все время думаю, почему я здесь веду себя почти без эмоций, не так как в обычной жизни. Здесь постоянно должна быть какая-то степень умеренности, какая-то черта, которую я не переступаю. Там, в обычной жизни, я ведь могу на что-то очень бурно реагировать. (*Молчание.*) Помните, я и сам не мог понять: я все-таки здесь естественно себя веду или удерживаюсь от чего-то? Теперь мне все больше кажется, что удерживаюсь. По крайней мере, какое-то напряжение здесь есть.

Я: Да, и мы говорили, что не только здесь.

Павел: Оно всегда бывает в присутствии людей... людей, при которых есть какое-то внутреннее... ну, сейчас я, например, подумал про своего тренера. Разговаривая с ним, я был очень похож на того себя, который сейчас говорит с Вами.

Я: С тренером тоже надо было сдерживаться?

Павел: Да, не размахивать руками и ногами. (*Смеется.*)

Я: А если все-таки это проявить?

Павел: Я не знаю, что могло бы случиться... (*Пауза*). Я вот вспомнил, как мы ездили в Чехословакию, в Прагу. Меня тогда поразило, насколько свободно чехи между собой общаются. И игроки, и тренеры. Я им даже завидовал. Незаметно никакой субординации. Все просто, легко, эмоционально. Все друг с другом на «ты». (*Пауза*). Я ведь не специально себя сдерживаю. Как будто во мне что-то сдерживается само по себе, без участия воли. В общем, это было не только с тренером. Почти так же я себя вел по отношению к дяде – брату матери. Я рассказывал о нем, да? С ним тоже было чувство какого-то неудобства, что ли. Или нежелание сказать что-то лишнее. Даже не нежелание, а просто не получалось. Я рядом с ним был постоянно какой-то сконфуженный, как будто не знал, куда руки девать.

Я: Чтобы не начать ими размахивать.

Павел: Вот именно. ... Я сейчас ощутил какое-то головокружение. Иногда у меня такое здесь бывает.

Я (*после паузы*): На что это похоже?

Павел: На падение. Опасность куда-то упасть, потерять равновесие.

Я: Можно ли рассказать об этом побольше? Какая картина встает сейчас перед глазами?

Павел: Полет. (*Молчание*). Как бывало во сне в детстве. Будто я отталкиваюсь от крыши, даже не отталкиваюсь, а как будто бы какая-то сверхъестественная сила тянет в воздух. Внизу улицы, поля, какие-то поселки маленькие-маленькие.

Я: Восторг.

Павел: И потом ужас. Хочется закричать: «Ах!». И болтать ногами, руками. И тут же ледяным холодом обдает. Да ведь это же невозможно: удержаться в воздухе, я сейчас костей не соберу!

(*На этом месте он делает резкий выдох, умолкает, как будто одним шагом вернулся к реальности*).

Я (*после молчания*): Да, это была свобода.

Павел: Я даже сам немножко испугался. Это напряжение вдруг на секунду исчезло куда-то, и я почувствовал, что падаю. (*Пауза*). А о чем

мы говорили, я забыл? (*с вопросительной ноткой*). Ах, да, о дяде. Я сказал про неловкость, которую с ним чувствовал. Неловкость при встречах с отцом была немножко другая. Будто встретились и надо о чем-то говорить, а о чем – ни я, ни он не знаем.

Я: А что если просто вдвоем помолчать?

Павел: От молчания напряжение только растет.

Я: Да, как и здесь, мы говорили об этом. Как оно могло бы разрядиться, если бы стало предельным?

Павел: Не знаю, но это совершенно невозможно вообразить. Я думаю, что это было бы что-то страшное или даже сверхстрашное. И я, и Вы – все перестало бы существовать. Как взрыв.

Я: Мне вспоминаются Ваши сны, где что-то взрывается, рушится и чувство восторга, которое Вы испытываете.

Павел: Хм, да. «Чую с гибельным восторгом, пропадаю», как у Высоцкого. (*Долгое молчание*). Кстати, о чем мне сейчас подумалось. (*Пауза*). Мне вспоминаются мои сны, там часто повторяется один фрагмент. Летит самолет. Его кто-то подбил. Иногда у меня на глазах, иногда кто-то его уже подбил. Потом он падает куда-то за горизонт и взрывается. (*Пауза*) Иногда такое чувство, что он может упасть на меня. Почему-то раньше я не рассказывал здесь об этом. Но мне снится очень много всего. Я иногда на утро по два-три сна помню. Сейчас вот отчего-то эта деталь пришла в голову.

Я (после паузы): Что еще вы могли бы рассказать об этом?

Павел: Можно о моих чувствах сказать. Там есть страх, конечно. Особо, если этот самолет может упасть на меня или на мой дом.

Я: Можно ли еще что-то про это рассказать?

Павел: Но есть что-то и помимо страха. Есть всегда удивление, не удивление, а оцепенение. Я как будто цепенею. И еще ощущение дикого восторга, совершенно безудержного, как раз такого, о котором мы говорим.

Я: А когда такой сон был последний раз?

Павел: На днях. Вчера... нет, позавчера. Мне снилось, что я еду на поезде и смотрю в окно, и такой самолет летел параллельно поезду. И, что интересно, он летел медленно, с такой же скоростью, как поезд. Это было величественное зрелище. А потом он стал терять управление, ушел в пике и упал куда-то за горизонт. И из-за горизонта поднялось гигантское черное облако. (*Пауза*) Сейчас, когда я вспоминаю, мне кажется, это был даже не самолет, а, скорее, какая-то ракета. Или дирижабль. Длинное сигарообразное тело. Раньше тоже падали то самолеты, то ракеты.

Я: Самолет, ракета, дирижабль... Павел, какие ассоциации есть с этими аппаратами?

Павел: *(Пауза.)* Трудно сказать. *(Пауза.)* Ассоциации? Полет. Преодоление притяжения. Какая-то сила, рвущаяся вверх. Что еще? – Не знаю.

Я: Хорошо. Что случилось с этой ракетой... или дирижаблем? Ну, пусть будет ракета? Отчего она могла потерять управление?

Павел: Там случилась какая-то авария. Может быть, отказала программа. Сейчас мне кажется, что эта ракета летела вообще без людей, без экипажа. Может быть, ею управляли по радио, с земли. Или вообще не управляли. Это какая-то слепая сила, как будто действующая сама по себе.

Я: Ранее Вы сказали, что это самолет, и он был подбит.

Павел: Может быть. Я давно заметил, что когда вспоминаю и рассказываю сны, у меня эти воспоминания могут меняться прямо по ходу рассказа. Но сначала мне действительно казалось, что летел самолет и что его подбили с земли.

Я: Кто бы мог это сделать?

Павел: Такое ощущение, что где-то война. Война, которая не касается меня напрямую. Воюет кто-то с кем-то, но и меня могут ненароком задеть. Например, рухнет дом или самолет падает.

Я: Да, это как стихийное бедствие. Сталкиваются две чудовищные силы. И, хотя ни одна из них, возможно, не хочет Вам зла, но все равно лучше сжаться, бежать, отстраниться.

Павел: Я так и знал, что Вы сейчас об этом подумаете. Я подумал об этом сразу, когда Вы стали говорить. Я подумал: «Вот сейчас он вспомнит о моем детстве». *(Пауза)* Ну, да, когда отец приходил, и когда с мамой... Но сейчас мне все-таки кажется, что это другие ощущения. Тогда было страшно, но не было такого щемящего восторга, когда хочется сказать: «Ах!». Как в тех снах, где я летал. *(Пауза.)* Сейчас опять этот сон перед глазами, я его прокручиваю как фильм. Я уже не уверен, что мне именно так и снилось, но сейчас я вижу, что этот самолет горит, за ним тянется шлейф дыма. Ух, меня даже передернуло. *(Молчание.)* Да, может быть, чем-то это все беспокоит. Тем более, такие чувства во время сна, вот сейчас стал представлять, и они почти вернулись. Сразу захотелось проснуться, вынырнуть из всего этого. Но что меня конкретно беспокоит, даже не могу понять.

Я: Хочется вынырнуть, но что-то притягивает, и хочется вернуться в этот сон, к этим переживаниям.

Павел: Самолет – это какая-то чудовищная энергия, стремящаяся вперед и ввысь. Конечно, это привораживает. Я раньше часто летал на самолете, когда мы ездили с командой на сборы или соревнования. У меня всегда дух захватывало, когда он разогнался и отрывался от взлетной полосы. Меня в эти минуты было не оторвать от иллюминатора. Интересно,

кстати, что летать я никогда не боялся, хотя никогда не мог понять, как такая громадина держится в воздухе. Это казалось абсолютно противоречащим всем законам физики. В моем сне он летел медленно, и это было еще более непонятно. А страх появляется тогда, когда он начинает падать, потом уходит в землю, и где-то за горизонтом взрывается. Уходит в землю, и больше его нет, только столб дыма. И тогда ждешь, что тебя сейчас захлестнет какая-то волна, может быть, ударная... *(Тут он замолкает, как будто оборвав себя на какой-то неожиданной мысли).*

Я *(после паузы)*: И?

Павел: *(произносит с очень большим трудом)*: И тогда появляется сильное желание пойти туда, увидеть своими глазами место, где он упал. Воронку. Может быть, обломки. То, что от него осталось. Сейчас уже трудно вспомнить, что я рассчитывал там увидеть, и зачем мне это было надо. Но такое желание было.

Я: *(после паузы)*: Давайте попробуем почувствовать его еще раз, сейчас. Попробуем снова увидеть этот самолет.

Павел: *(после долгого молчания)*: Я сейчас ярко представил ракету. Она летит, маневрирует, огибает рельеф. Я видел чуть сверху, вокруг гор. Мне кажется теперь, это боевая ракета. *(Молчание)*.

Я: Что Вы еще видите?

Павел: Теперь подо мною море. Ракета летит над морем. Я чувствую физическое напряжение во всем теле, почти до судорог. Оно мешает увидеть то, что дальше, проследить полет, посмотреть, что будет дальше. Я словно прикован к одной точке. Я больше ничего не вижу, все исчезло. Темнота. *(Пауза)*. Я что-то похожее видел во сне, где соединялись две точки – помните?

Я: Хорошо помню, продолжайте.

Павел: Когда они сближались, я испытывал почти такое же оцепенение. Все тело напрягалось, сжималось. Это очень похоже.

Я: Вы чувствуете напряжение. В какой части тела находится его очаг? Откуда оно начало распространяться?

Павел: Не знаю, я пытался сжаться в комочек, согнуть колени, притянуть их к подбородку... Может быть, где-то в области живота. Сейчас, когда Вы спросили, я подумал про живот. Это было волнами и сразу по всему телу до кончиков пальцев... *(несколько слов звучат неразборчиво)*. Эти фрагменты почему-то ужасно знакомы, будто я их давно помню. Нет, ничего в голову не приходит, все мысли разбежались.

(Наступает долгое молчание, в процессе которого я чувствую, как исчезает напряжение, захлестнувшее нас обоих... Мы расслаблены. И мне приходят в голову его слова: «энергия уходит в землю, и больше ее

нет». После паузы я говорю с таким ощущением, словно мы вернулись из его сновидения.)

Я: Павел, мне кажется, для Вас очень важно говорить об этих образах. Вам важно говорить о своих снах, фантазиях и, может быть, даже более важно, чем говорить о том, что происходит в Вашей реальной жизни.

Павел: Эти образы иногда завораживают и, когда я начинаю фантазировать, мне кажется, что там очень много всего. И если копнуть поглубже, то (пауза), может быть, через них получится понять, что со мной происходит?

Я: Безусловно, но есть и еще что-то.

Павел: Что-то еще?

Я: Может быть, это моя фантазия, но у меня такое ощущение, что само обилие этих снов и обилие образов помогает вам сообщить мне что-то важное. Важное для наших с вами отношений.

Павел: Я никому никогда, кроме Вас, не рассказывал про эти вещи. Даже самым, казалось бы, близким друзьям, перед которыми я мог бы открываться полностью. Сновидения, образы... нет. (Смеется). Если бы я стал рассказывать приятелям то, что рассказываю Вам, они бы просто решили, что у меня голова не в порядке.

Я: На ваш взгляд, как я воспринимаю то, что Вы рассказываете?

Павел: Ну, Вы прекрасно понимаете, что все это само по себе... ну... не болезнь, если можно так выразиться. У меня есть какой-то внутренний мир, как у каждого человека. И я в какой-то мере приоткрываю его перед Вами, чтобы Вы убедились, что я не так скучен и пуст, как мог бы показаться.

Я: Да, и я думаю, что это и есть то важное, что Вы хотели мне сообщить.

Павел: Мне иногда казалось, что Вам может быть со мной скучно. Я думаю, что в жизни я человек не очень приметный. У меня обыкновенная заурядная внешность, я как все.

Я: При этом есть мир, в который Вы редко кого-то пускаете. Мир Ваших фантазий, снов, ваших романов.

Павел: Так было всегда.

Я: Значит, мы опять подошли к проблеме двух миров. Двух миров, которые должны быть изолированы один от другого. Вы чувствуете в одном из них себя более спокойно, Вы более защищены. Но чтобы пробудить во мне интерес к Вам, вы приоткрываете мне мир другой, который скрыт от глаз.

Павел: Я себя несколько раз ловил на мысли, что у меня общение с Вами строится как-то совсем иначе, не как с другими людьми. Я ведь почти

никогда не говорю о том, что у меня реально происходило вчера или сегодня. Маме или кому-то из знакомых я могу при встрече рассказывать, как у меня дела в институте, на сессии или как я на дискотеку ходил. Или – что никак не могу купить себе «мобильник», который мне нравится. Я ведь не сказал бы, что меня все это совсем не волнует. Но тратить время на эти разговоры здесь – это... ну, это просто выглядит как пустая трата времени и ничего больше. Скольжение по какой-то поверхности. Ну, какой Вам интерес, например, выслушивать, как я был на дискотеке?

Я: Это может выглядеть как лишенное интереса, но только если мы оставляем в стороне фантазии, переживания, Ваши живые чувства, с этой дискотекой связанные.

Павел: Да, тогда это будет просто названием фактов.

Я: Если факты не значимы, а чувства, связанные с ними, закрыты, тогда возникает тягостная ситуация: Вы не знаете, что сказать, а Ваш собеседник не знает, о чем спросить.

Павел: Я понимаю, что Вы имеете в виду, – мои встречи с отцом.

Я: Да, я сейчас подумал об этом. Мне кажется, что в такие минуты вы оба стоите перед неодолимой преградой. Невозможно раскрыть что-то, что, может быть, сблизило бы вас.

Павел: Не знаю, что на это сказать. Мне трудно представить себе, чтобы я начал рассказывать отцу о том, что мне снится. А что он мне мог бы открыть в себе? Тут у меня даже фантазии не хватает. Для этого надо знать что-то о человеке. А я знаю, по сути, только то, что мне мама рассказывала. А она ничего хорошего о нем не говорила.

Я: Вы знаете, Павел, мне сейчас вспоминается ваш рассказ о страхе, который Вы испытывали перед отцом. Вы говорили, что страшнее всего было думать о нем в его отсутствие, когда он был далеко. Что именно тогда хотелось застыть, спрятаться, ничем не выдавать себя, своего существования, задавить свои желания, свою свободу. Вы говорили, что, сближаясь с Вами, он неизменно оказывался не таким страшным. Но это не помогало Вам перестать бояться его в те часы и минуты, когда Вы только ожидали его прихода.

(Павел издаст какой-то неопределенный звук, похожий на «Хм»).

Я: Когда я воспринимаю Вас как отстраненный, холодно молчащий, вы чувствуете потребность угадывать мои желания, соответствовать им. Тревога растет, потому что Вы никогда не уверены, что это Вам удалось. Когда Вы не чувствуете сближения, Вы не позволяете себе чувствовать злость, другие эмоции. Словом, не позволяете себе быть собой.

Павел: *(после молчания):* Но сближение для меня тоже чем-то неприятно. Я не знаю, как это описать. Когда Вы однажды сказали, что чувству-

ете себя передо мною виноватым (*этот момент запомните, мы к нему еще вернемся – Д.Р.*), это меня заинтересовало, но сразу появилась тревога. Не помню, по-моему, я Вам не говорил об этом в тот раз. Это было... ну, как если бы в Вашей открытости прятался какой-то подвох. Я расслабюсь, раскроюсь, а тут Вы что-то такое сделаете... ну я даже не знаю.... Будто скажете: «А ты, дурачок, все за чистую монету принял?». (*Молчание*). С мамой тоже не люблю сближаться, но это как-то по-другому. Там такое чувство, что только расслабься, только прояви эмоции – она тебя вообще заглотаёт с головой. Если бы я сказал ей что-то открытое – даже самая мысль об этом меня обжигает! Сразу хочется оттолкнуться. (*Пауза*). Вот интересно, я не знаю, почему я не говорил Вам об этом. Недели две назад мне приснился сон. Приснился отец. Самое интересное – то, из-за чего мне так не хотелось Вам об этом рассказывать. Он вообще-то мне и раньше снился, но всегда был где-то далеко. Я будто за ним исподтишка наблюдал, а он меня не видел. А тут он был близко, и я с ним как-то очень тепло общался. Чувство было такое, какого на самом деле я никогда к нему не испытывал. (*Молчание*).

Я: Какого чувства на самом деле нет?

Павел: (*говорит с трудом и смущением*): Чувство, что мы одна семья. Я будто совсем маленький, и как будто я к нему прижимаюсь. Приятное ощущение.

Я: Приятное. (*Пауза*). Но мне не кажется, что этого чувства, как Вы сказали, на самом деле нет.

Павел: (*после молчания*): По крайней мере, я такого не помню. Я как-то уже примирился с мыслью, что отца у меня ... нет, и не было.

Я: Значит, когда-то Вы с этим не готовы были мириться, и Вы помните, что отец у Вас был и есть.

Павел: Но я не помню таких чувств, какие испытывал в этом сне.

Я: Что-то в Вас все-таки помнит их, ведь сон приснился.

После долгого молчания я говорю: «На сегодня все, Павел». И мы заканчиваем сессию.

Д.С. Рождественский: Мне осталось перейти к заключительной части повествования. Может быть, на этом этапе есть какие-то вопросы?

Вопросы и реплики:

– Можно маленький комментарий по поводу снов? Когда я слушала Вас, у меня возникло опасение, что сейчас все уйдет в традиционную для психоанализа сексуальную символику. А мне хотелось бы помыслить психоанализ как открытую систему. Я имею в виду сон, где Павел едет в поезде и видит самолет, летящий параллельно движению поезда... Мне кажется, этот сон имеет прямое отношение к теме свободы, о которой Вы

говорили. Поезд – символ заданного движения. Конечно, он от чего-то удаляется и движется вперед, но строго по рельсам, как требуется. У самолета тоже есть маршрут, но он летит в небесном просторе, и Павел не случайно подчеркивает: «вперед и ввысь». По-моему, в этом сне он близок к пониманию того, что должен иметь отвагу *быть*. Самолет может разбиться, и он разбивается, но летать от этого не перестают. И уже вторично в символику сна вплетается родительская тема, прежде всего, отца... С отцом – тоже очень интересно: я имею в виду последний сон Павла, где они встретились, и он впервые испытал к нему близость. Я не раз замечала по клиентскому и собственному опыту: иногда именно в снах нам является то подлинное отношение к близкому человеку, которое в жизни исчезло, забылось или осталось не понятным, не реализованным, а сновидение вдруг, по прошествии многих лет, возвращает нам это чувство более живым и настоящим, чем в самой жизни, как бы возвращая нас к сути отношений.

Д.С. Рождественский: Согласен, и, более того, скажу, что у меня есть свое понимание, что такое сновидение. Сновидение, – конечно, очень многозначная конструкция. Но один из аспектов, для меня лично, заключается в том, что сон... Мы видим мир вокруг себя, стоя на определенной позиции. И сознание позволяет нам воспринимать то или иное явление только с данной позиции. А сон позволяет переместиться на иную и увидеть ситуацию в новом ракурсе. Понимаете, что я имею в виду?

– Да, конечно...

Новая реплика из зала:

– А можно взять – и проинтерпретировать сон с позиций переноса? Мне кажется, это и есть психоанализ.

Д.С. Рождественский: А что такое «с позиции переноса»?

– Как?! А с какой же позиции Вы интерпретируете?!

Д.С. Рождественский: По-моему, Вы однажды уже задавали мне подобный вопрос, и я ответил, что мое понимание переноса несколько отличается от приведенного в учебниках.

Я хотел бы отметить, что зачитанная мною сессия служит для меня в определенном смысле «вехой». Поэтому именно ее я и выбрал. На этой встрече тема отца впервые оказалась окрашена в *позитивные* тона. Тождественны этому понятия: «сближение с человеком» и «потеря контроля». Потеря контроля – это выход в сферу свободы. И у меня возникла, может быть, несколько странная интерпретация желания моего пациента «заглянуть в воронку», где упал самолет, или ракета...

Из зала:

– Заглянуть в воронку?

Д.С. Рождественский: Да, у Павла было желание приблизиться к воронке и посмотреть, что там. И здесь есть параллель: *приблизиться* и *сблизиться*.

Если вопросов и реплик больше нет, я продолжу. Дальнейшая динамика процесса может быть описана следующим образом. На второй год работы я начинаю уделять все большее внимание интерпретациям негативизма моего пациента. И, соответственно, негативный полюс наших отношений начинает все больше проявляться «здесь-и-сейчас». Это выражается с его стороны, прежде всего, в пропусках сессий, в опозданиях, в раздражении и злости, которую он высказывает, когда начинает звучать тема чувств «здесь-и-сейчас». Постепенно выкристаллизовывается двойственность, которая выражает двойственное отношение к отцу: колоссальную потребность в нем и колоссальную обиду на него. Это все то, что раньше отрицалось. Страхи, на которые он жаловался, ушли, про них больше нет разговора. И здесь говорилось про поезд...

Действительно, на той стадии, о которой я говорю, у него стали появляться в изобилии сны с образом электрички. Его собственная интерпретация была такова, что электричка – это отъезд, разлука, говоря нашим «птичьим» языком, «травма сепарации». И ему снится очень интересный сон. Он едет в электричке и встречает контролера. «Контролер» – это Дмитрий Сергеевич. И контролер ему грозно говорит: «Предъявите пропуск!». Не билет, а пропуск. Пропуск сессии – это предъявление «пропуска», дающего право на сепарацию. Я еще думал, что здесь есть определенная связь со сновидениями о «цепочках».

Цепочка бесконечна, а электричка – тоже цепочка, но не бесконечная, а состоящая из нескольких вагонов. Оторванность от предшествующего и последующего звеньев, о которых я говорил.

И потом – еще одно событие: умирает отец. Реально умирает. Это происходит в середине второго года нашей работы. После того, как отец умирает, открывается, что он на протяжении некоторого отрезка своей жизни писал романы, которые никому не показывал. Павел об этом узнал. Он плакал. Во второй половине второго года нашей работы у него появилась девушка. Это был первый случай, когда у него возникли стабильные отношения с девушкой. Через несколько месяцев он сказал, что больше потребности в терапии не испытывает.

Моя позиция в таких вопросах сводится к следующему. Я почти никогда, за исключением эксклюзивных ситуаций, не удерживаю пациента. Если пациент говорит мне, что хотел бы прекратить терапию и, если у меня нет чувства, что за этим может последовать деструктивное отыгрывание, суицид или уход в психоз, то я задаю вопрос: «Вы меня просто ставите в изве-

стность или хотите это обсудить? Если ставите в известность, то – никаких препятствий. Всего доброго. Потом можете, если понадобится, позвонить мне снова. Если хотите обсудить, то давайте взвесим все “за” и “против” и посмотрим, какая чаша весов перетянет». В данном случае я беспокойства не испытывал и полагал, что, вполне возможно, он достиг той степени автономии, которая теперь действительно нуждается в испытании. Мы провели еще несколько контрольных последних встреч и договорились встретиться с ним через три года. Недавно я совершенно случайно обнаружил его повесть в сборнике молодых фантастов.

Я закончил. Мне очень важны ваши мнения и советы, в связи с тем, что вскоре мне предстоит снова встретиться с ним. Это еще одна причина, по которой я решил представить именно этот случай.

Вопросы и реплики:

– Как Вы думаете, он придет к вам как к отцу?

Д.С. Рождественский: Я думаю, он придет ко мне как к Рождественскому Дмитрию Сергеевичу. Как говорил еще Хайнц Кохут, цель терапии заключается в том, чтобы терапевт для пациента становился все более и более отсутствующим, но я бы сказал, наоборот, – все более присутствующим как *реальный объект*. Поэтому я думаю, что он придет ко мне не как к отцу, а как к терапевту. И, может быть, даже не как к терапевту, а, на что я очень надеюсь, как к старшему товарищу. Потому что здесь происходит то же, что происходит в зрелой личности с внутриспсихическими инстанциями. Зрелая личность – это личность, в которой суперэго оставляет позицию *над* эго и занимает позицию *рядом* с ним. Это, по крайней мере, то, на что очень хотелось бы надеяться.

– Все-таки, какова была Ваша оценка переноса, какова была его динамика, что произошло? И если возможно, хотя бы два слова – о контрпереносе.

Д.С. Рождественский: Мне сейчас ассоциативно вспомнилась такая вещь. Я проходил свой второй анализ у аналитика из Соединенных Штатов. И как-то раз я недоуменно задал вопрос, я действительно недоумевал. Дело в том, что там шла работа с акцентом на достаточно глубокие фантазии и сновидения. И я в то время еще находился под влиянием Гринсона, который говорил, что работа с переносом – это конфронтация, интерпретация и проработка. И я спросил у своего аналитика: «А почему Вы с моим переносом не работаете?». В ответ она поинтересовалась: «А что Вы называете работой с переносом?». Я рассказал о том, что я называю работой с переносом. И в итоге она ответила следующее: «У Вас есть перенос?». Я сказал: «Есть». Она: «Ну, вот видите: Вы знаете, что он у Вас есть, я знаю, что он у Вас есть, значит, можем это вынести за скобки».

– Нет! Я настаиваю на своем вопросе. Вы сказали, что у вас какая-то своеобразная концепция переноса. Какова она?

Д.С. Рождественский: Она действительно есть и, может быть, действительно от общепринятой несколько отличается.

– Делая доклад, вы отметили, что есть контрперенос и собственный перенос.

Д.С. Рождественский: Да, я говорил об этом. Я понимаю, что эти вещи иногда трудно разделить... Под собственным переносом терапевта я понимаю его собственные чувства – те чувства, которые ему свойственны; а под контрпереносом – те, которые данный пациент индуцирует в терапевте. И в этом я вижу разницу. Хотя, опять-таки, хочу подчеркнуть, что обе реакции тесно связаны. Если пациент ведет себя провоцирующе агрессивно и, если он через проективную идентификацию вызывает у меня агрессию в контрафакте, я понимаю, что это чувство, не свойственное мне, индуцировано данным пациентом. Но с другой стороны, я отдаю себе отчет и в том, что оно все же что-то зацепило во мне. Значит, что-то и во мне было готово на это откликнуться. Даже если это чувство для меня не характерно.

– То, что Вы рассказываете, очень интересно, захватывает даже. Но если можно еще какую-то диагностическую оценку, если Вы это используете. Это первый вопрос.

Д.С. Рождественский: Вас интересует, как я с диагностической точки зрения оцениваю своего пациента? Я могу это сделать, но для меня это не самое важное. Само событие, которое вынудило его обратиться, я описал бы как паническую атаку. Что касается самого пациента, то я описал бы его как личность обсессивного типа невротического уровня. Но в отношении диагноза я близок к тем взглядам, которых придерживаются кохутианцы – сторонники психологии самости. Для меня диагноз – это некоторое определение, которое человека в большей степени «закрывает», нежели открывает. Это ярлык. И у меня есть такое любимое выражение, которое даже мои коллеги не всегда понимают. Я говорю: большая часть личности пациента меня не интересует. Я работаю со здоровой частью.

– Но Вы преподаватель, и я преподаватель. И здесь нужно избегать такого абстрагирования.

Д.С. Рождественский: Естественно, поэтому к проблеме диагноза я стараюсь подходить сбалансировано. Но даже всем известная Нэнси Мак Вильямс, написавшая учебник «Психоаналитическая диагностика», даже она в одном месте в этом учебнике пишет такую фразу: если Вы начинаете пациента просто чувствовать, вы можете отбросить диагноз как потерявший значение. Чувство, эмпатия, выходит на первый план.

– Спасибо. И у меня второй вопрос, более локального свойства. Просто ответ «да» или «нет». У меня сложилось впечатление, что мы здесь в переносе имели дело с некоторым синтонным гомосексуальным компонентом. И у меня сложилось впечатление, что при таких временных рамках и для таких пациентов некая договоренность о том, что эта гомосексуальная симптоматика не интерпретируется прямо, является фактором поддержания рабочего альянса. Опять же, повторяю, при таких временных рамках.

Д.С. Рождественский: Мне кажется, что в таких случаях гомосексуальную симптоматику не стоит интерпретировать даже не только потому, что она удерживает альянс, а потому, что если эта интерпретация попадет в цель и действительно коснется чего-то очень важного в душе пациента, он может регрессировать в психоз.

– Спасибо за очень интересный случай. Вызвало очень много фантазий и ассоциаций. Хотелось бы частью из них поделиться. С самого начала было ощущение очень сильной амбивалентности. Вы об этом и заявили. Потом было очень много матери, мамы. Начиная с этих его оцепенений, у меня возникли такие слова как «растворение в хорошей груди». И дальше, когда Вы рассказывали, что это оцепенение продолжалось, возникло ощущение, что он наблюдал первосцену родителей. И когда в снах убежал от чего-то – это была какая-то инцестуозная мысль, инцеста с мамой: он убежал от чего-то, что сделал не так. И когда у него произошла встреча с отцом, то отец у него как бы спрашивал: «У тебя с мамой что-то было, когда я ее оставил?». И он не знал, что ответить.

Я просто думала: «про что» это оцепенение? Про что оно может быть? Тут может играть роль идентификация с отцом: отец выпивал, и я выпиваю. Единственное, что мальчик знал об отце, касалось его импульсивности и алкоголя. Идентифицируясь с отцом, он впадал в это оцепенение. А потом, когда он узнал, что отец еще и роман писал, здесь для него открылась созидающая сторона отца. И уже не страшно идентифицироваться с ним. И появилась девушка. И уже не страшно передать что-то свое.

Д.С. Рождественский: Да, это очень созвучно тому, что я чувствую. Хотя я не формулировал это для себя так, как Вы, но я согласен.